

Павлов А.Б. (Ульяновск, Информационное агентство «Ульяновск-город новостей»)

Селеев С.С. (Ульяновск, Ульяновский педагогический университет)

НЕФОРМАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Работа выполнена при поддержке фонда социальных исследований «Хамовники».

В настоящее время не существует единой методики оценки объемов неформальной или теневой экономики [1]. Не существует и её общепринятого определения — в различных публикациях Всемирного банка, МОТ, PREALC, для целей статистики неформальной экономике даются различные определения. При этом иногда вводится дополнительная типология [2]. В результате, исследователям приходится в каждом случае уточнять, что именно подразумевается под этим явлением [3]. Не изменило ситуацию и издание органами статистики руководства по измерению ненаблюдаемой экономики, в котором даётся её базовое описание [4].

С проблемой точного описания и оценки неформальной занятости столкнулись и мы во время изучения феномена современных промыслов [5]. Исходя из того, что в качестве исходных данных для анализа неизбежно используются данные государственной статистики, мы решили сосредоточиться на одном из важнейших аспектов неформальной экономики — её невидимости для государственных структур, что открыто признается.

В 2013 году вице-премьер Правительства РФ Ольга Голодец на конференции в ВШЭ заявила: «В России из 86 млн граждан трудоспособного возраста только 48 млн работают в секторах, которые нам видны и понятны. Где и чем заняты все остальные, мы не понимаем»[6].

Исходя из этого, целью авторов стала разработка методики оценки количества тех людей, которые заняты (с точки зрения государства) непонятно чем и не могут быть идентифицированы в рамках существующих описательных категорий занятости. Подобный подход позволяет описать неформальную экономику как область экономической деятельности людей, занятых (с точки зрения государства) непонятно чем.

Фактически, речь идет обо всех людях, которые не получают зарплату в кассе и не стремятся к этому, отчасти просто игнорируя формальные институты, а отчасти мимикрируя под них с помощью получения или присвоения формального статуса (например, находящегося в отпуске без содержания или безработного), но при этом не идентифицирующих себя в описательных категориях этих статусов.

В качестве объекта исследования были отобраны восемь регионов Российской Федерации, которые обеспечивают достаточно разнообразную картину для сравнения: Ульяновская область, Пермский край, республика Татарстан, Краснодарский край, Пензенская, Самарская и Нижегородская области, а также республика Мордовия. Для всех этих регионов были собраны исходные данные и разработаны две независимые методики оценки количества занятых в неформальной экономике, что позволило провести валидацию результатов исследования путем сравнения полученных результатов по обеим методикам.

Первая методика основана на расчете объема межбюджетных трансфертов на компенсацию взносов за неработающее население из региональных бюджетов в фонды медицинского страхования.

С 2015 года в региональных бюджетах значительно выросла доля межбюджетных трансфертов в органы медицинского страхования. Их причиной стал принятый в конце 2010 года федеральный закон (326-ФЗ) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», согласно статьи 10 которого, к застрахованным лицам были отнесены и неработающие граждане, а обязанности по уплате взносов в фонды медицинского страхования за них легли на плечи региональных бюджетов [7]. Была разработана и методика расчета размеров взносов, подлежащих компенсации, оформленная в виде федерального закона «О размере и порядке расчета тарифа страхового взноса на обязательное медицинское страхование неработающего населения» [8].

Согласно этому закону, на период с 2012 по 2014 год вводился переходный период, во время которого размер взносов за неработающее население в фонды медицинского страхования рассчитывался не по методике из закона «О размере и порядке расчета тарифа...», а по сумме объема взносов за 2010 год плюс (соответственно для 2012, 2013 и 2014 годов) 25, 50 и 75% от расчетных взносов, исходя из тарифа, устанавливаемого на текущий год [8]. При этом учитывались и передаваемые расходы бюджетов регионов, включаемые в территориальную программу медицинского страхования, а также расходы на содержание медицинских организаций, что делало методику непрозрачной для стороннего наблюдателя и не позволяло точно рассчитать значение главной тайны «страховой» статистики — количество неработающего населения в регионе.

Согласно законодательству, к неработающему населению относят [9]:

- детей в возрасте до 18 лет;
- неработающих пенсионеров;
- учащихся по очной форме обучения;
- зарегистрированных безработных;

- людей, ухаживающих за детьми, инвалидами и престарелыми: а также иных не работающих по трудовому договору граждан за исключением военнослужащих.

Зная из данных статистики количество всех категорий, относящихся к неработающему населению, количество «иных не работающих» несложно рассчитать, если знать, сколько региональный бюджет тратит на компенсацию взносов в фонды медицинского страхования, а также размер компенсации на одного неработающего.

Начиная с 2015 года, это стало возможным сделать — закончился переходный период, и расчет компенсаций в фонды медицинского страхования стал достаточно прозрачным. Теперь все взносы полностью компенсируются из региональных бюджетов, что и привело к серьезному увеличению расходов областных бюджетов.

Методика оценки (назовем её «бюджетной») проста. Например, тариф взноса на 2015 год установлен в размере 18864,6 рублей за одного человека [8]. Для расчета точной компенсации тариф следует умножить на два коэффициента — коэффициент удорожания (в 2015 году равен единице) и коэффициент дифференциации, корректирующий тариф исходя из региона. Зная эти коэффициенты, а также общий объем межбюджетных трансфертов из областных бюджетов в бюджеты ТОФМС и ФОФМС, несложно вычислить не отражаемое отдельно в открытой статистике количество неработающего населения региона.

Зная эту цифру, можно рассчитать количество «иных не работающих по трудовому договору» путем вычитания из общей суммы пенсионеров по возрасту и детей, учащихся и студентов очной формы обучения, а также пенсионеров трудоспособного возраста по инвалидности или выслуге лет.

Для сравнения полученных данные с расчетными, был введен дополнительный индикатор, моделирующий методику расчета для целей учета неработающего населения на основе расширенного набора данных. Расхождение получилось минимальным в той мере, которую могут обеспечить открытые статистические данные.

Для получения исходных данных для реализации второй методики расчета нами использовались статистические сборники за 2014 год «Экономическая активность населения России», «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации», «Регионы России. Социально-экономические показатели», «Малое и среднее предпринимательство в России», а также данные региональных баз Росстата, ответы на запросы региональных отделений Федеральной налоговой службы и бюджеты регионов РФ. Предметом исследования стали данные по итогам 2013 года за исключением данных по количеству работников, находящихся в простое или в неоплачиваемом отпуске по своей инициативе. Для получения этих данных использовались результаты статистического наблюдения за 1 квартал 2014 года, что не могло значимо отразиться

на итоговых результатах ввиду того, что ситуация развивалась на описываемом фоне. Кроме того, методика расчета размеров взносов за неработающее население в государственные медицинские фонды предполагает учет его численности по состоянию на 1 апреля предшествующего года, что на практике означает использование того же набора данных.

Современные методики статистики таковы, что большинство неформально занятых людей либо попадают в число экономически неактивного населения, либо в число экономически активного населения, занятого в неформальном секторе. При этом, к занятым в неформальном секторе относят не только тех людей, которые игнорируют институты государства, осуществляя свою деятельность вне всяких формальных институтов государства, но и тех, кто формально относится к официально занятым и выплачивает взносы, в том числе и в фонды медицинского страхования, но не зарегистрирован в качестве юридического лица (отсутствие такой регистрации – основной критерий отнесения к неформальному сектору). Речь идет об индивидуальных предпринимателях, их партнерах (термин статистики), помогающим им членам семьи, а также об их наемных работниках. Кроме того, в число занятых в неформальном секторе попадают люди, занятые производством в рамках домашнего хозяйства, а также люди, работающие «втемную».

Непростая ситуация и с учетом экономически неактивного населения трудоспособного возраста. К таковому статистика относит учащихся и студентов очной формы обучения, пенсионеров трудоспособного возраста, безработных. Чем занято остальное экономически неактивное население органам статистики не известно. Их лишь делят по критерию высказывания либо невысказывания желания работать, отдельно выделяя тех, кто «отчаялся найти работу».

Этих общедоступных данных достаточно для того, чтобы в общих чертах оценить объем теневой занятости и представить её базовую структуру.

Выглядеть она будет следующим образом:

- индивидуальные предприниматели, включая любых работников;
- безработные;
- невысказавшие желания работать;
- высказавшие желание работать, но не работающие;
- занятые домашним хозяйством;
- остальные неформально занятые.

Однако и эта типология далека от идеала, так как не поддается валидации по критерию сравнения с величиной неработающего населения, рассчитанной на основе данных региональных бюджетов, по причине того, что в число неработающего населения не включаются индивидуальные предприниматели и их работники ввиду того, что самостоятельно уплачивают взносы (или копят задолженность) в

государственные фонды, зато включаются официально трудоустроенные люди, которые не ходят на работу и не получают зарплату. Кроме того, не возникает строгого соответствия критерию деятельности, о которой власти не знают ничего — у налоговых органов в отношении индивидуальных предпринимателей есть примерно такой же набор данных (фактически знаний), как и для юридических лиц. Поэтому при строгом подходе к определению теневой занятости (хотя бы по методике МОТ) всех индивидуальных предпринимателей с работниками включать в её структуру нельзя.

Для разрешения этого противоречия придется учесть еще один важный нюанс — различие формального и реального статусов у субъектов теневой занятости. Формальным стоит считать статус, зафиксированный статистикой, который не дает государству никакого дополнительного понимания того, чем реально заняты люди. К таковым можно смело отнести статусы безработного, находящегося в простое, отпуске без содержания, занятого домашним хозяйством, не высказавшего желания работать или высказавшего это желание, но не ищущего работу (часто подобные статусы называют скрытой безработицей, что еще более усугубляет проблему), а также статус партнера или помощника индивидуального предпринимателя. Очевидно, что подавляющее большинство людей, имеющих подобные статусы, активно участвуют в реальной экономике. Не исключение и безработные, стоящие на учете в службе занятости и получающие пособие (во всех рассматриваемых регионах количество таковых составляет около 10% от числа безработных по методике МОТ). Очень многие из них используют статус безработного исключительно для получения пособия по безработице, а не для поиска работы[10].

Несоответствие реальных и формальных статусов хорошо заметно и по количеству вакансий служб занятости — практически во всех рассматриваемых регионах спрос на рабочую силу явно превышает предложение (если судить по официальным отчетам служб занятости), что выглядит странным в ситуации, когда количество безработных, отчаявшихся найти работу, высказывающих желание работать и отпускников без содержания таково, что на каждую вакансию должно претендовать по несколько человек.

У индивидуального предпринимателя, который ведет деятельность, равно как и у его наемных работников, формальный и реальный статусы совпадают. Различие возникает только в том случае, когда индивидуальный предприниматель сохраняет формальный статус, но при этом декларируемой деятельности в реальности не ведет, подавая нулевые декларации. Очевидно, что у таких предпринимателей нет, и не может быть, официальных работников.

Отдельно стоит остановиться на таких статусах как «находящийся в отпуске без содержания по инициативе работника» и «находящийся в простое по вине работодателя». Формально эти люди учитываются

статистикой в числе официально работающих, а не в числе занятых в неформальном секторе или в числе экономически неактивного населения. При этом работодателями не начисляется заработная плата на находящихся в неоплачиваемом отпуске, что позволяет отнести их к неработающему населению не только по факту очевидной неработы, но и по формальному основанию (в целях расчета взносов в государственные медицинские фонды – работодатель их в данном случае не платит).

Важность статуса отпускника в учете теневой занятости постоянно растет. Достаточно сказать, что по итогам 4 квартала 2014 года количество подобных людей, например в Ульяновской области, достигло 21,1 тысячи человек (9,8 процента от всего числа «теневигов»), а в Самарской области 103,53 тысячи человек – 23,4 % от общего числа непонятно чем занятых [11].

Исходя из этого, нами разработаны несколько систем оценки, объединенных общей методикой расчета показателей на основе данных статистики. Одна, полностью исключая из сектора неформальной занятости всех индивидуальных предпринимателей с работниками, необходима для сравнения расчетных объемов теневой занятости с расчетами по количеству незанятого населения по «бюджетной» методике, и вторая, включающая в сферу теневой занятости индивидуальных предпринимателей, не ведущих деятельности, а также помощников и партнеров предпринимателей. Подобный подход позволяет провести валидацию на одном и том же массиве данных.

Стоит пояснить, что методика учета ненаблюдаемой экономики, используемая органами статистики, базируется на опросах по сравнительно небольшой выборке, поэтому такие статусы как «помощники» и «партнеры» выглядят достаточно условно. В рамках опроса один и тот же человек, занятый в теневом секторе, в зависимости от обстоятельств может называться и ищущим работу, и отчаявшимся её найти, и ведущим домашнее хозяйство, и помощником предпринимателя-члена семьи, и безработным. Грань между этими понятиями выглядит достаточно зыбко, но все они позволяют, как минимум, отнести тип занятости опрашиваемого к теневой.

Базовые системы оценки и классификации выглядят так:

1. Неработающее население:

- люди, занятые домашним хозяйством;
- безработные;
- не высказавшие желания работать;
- помощники и партнеры индивидуальных предпринимателей;
- высказавшие желание работать, но не работающие
- находящиеся в неоплачиваемом отпуске по инициативе работника;
- остальные.

2. Теневая занятость:

- люди, занятые домашним хозяйством;
- безработные;
- помощники и партнеры индивидуальных предпринимателей;
- не высказавшие желания работать;
- высказавшие желание работать, но не работающие;
- работающие по «серому» найму (получающие зарплату «в конвертах»);
- индивидуальные предприниматели, не ведущие деятельности;
- находящиеся в неоплачиваемом отпуске по инициативе работника;
- находящиеся в простое;
- остальные, занятые неизвестно чем и где (не выделяя отдельно адвокатов и нотариусов).

Кроме того, система оценки была расширена двумя дополнительными критериями — общей теневой занятостью, включая пенсионеров трудоспособного возраста, студентов и учащихся (так как выделить среди них занятых в теневом секторе на основе данных статистики невозможно), а также теневой занятостью, включающей индивидуальных предпринимателей с работниками всех типов (по аналогии с методикой Росстата по учету неформальной занятости). Введение этих дополнительных критериев вызвано желанием более точно оценить объем теневой занятости, так как разработанные консервативные системы оценки не могут в полной мере оценить максимальный размер теневой занятости.

Исходя из этих систем оценки, нами были подобраны необходимые данные и пересчитаны по следующей методике: количество остальных занятых рассчитывалось исходя из общего количества занятых в неформальном секторе экономики за вычетом людей, занятых домашним хозяйством и индивидуальных предпринимателей со всеми работниками, включая партнеров и помощников. При оценке теневой занятости кроме того учитывался средний за год процент тех занятых в неформальном секторе, которые указали в качестве основного занятия работу по найму. Остальные данные брались из статистических ежегодников и региональных баз данных в неизменном виде, а количество индивидуальных предпринимателей, не ведущих деятельности, рассчитывалось исходя из данных налоговых служб о проценте индивидуальных предпринимателей, подавших по итогам 2013 года нулевую налоговую декларацию (по ОСН или УСН) либо подавали нулевую декларацию по ЕНВД все кварталы предшествующего года. После этого полученные результаты по каждому элементу классификации суммировались и приводились к общему количеству трудоспособного населения региона.

Особенность обеих систем оценки заключается в том, что в их основе лежит один и тот же базовый набор данных, что позволяет валидировать результаты расчетов теневой занятости с помощью сравнения результатов расчета количества неработающего населения по бюджетной и статистической методикам.

Таблица 1. Сравнение данных, полученных по двум методикам

	Количество трудоспособного населения (тыс. человек)	Неработающее население (в % от трудоспособного населения)	Теневая занятость (в % от общего кол-ва трудоспособного населения)
Ульяновская область	746,077	26,93	28,85
Республика Татарстан	2278,91	23,94	25,95
Нижегородская область	1918,85	28,039	29,13
Пензенская область	787,374	35,58	37,49
Республика Мордовия	487,609	30,96	32,78
Краснодарский край	3118,34	24,62	28,23
Самарская область	1898,47	21,53	23,26
Пермский край	1536,38	25,52	27,55

Результаты расчетов количества неработающего населения по обеим методикам оказались схожими для всех регионов с приблизительно одинаковой погрешностью в 5%, что позволяет гарантировать сходимость данных и для расчетов теневой занятости.

Структура занятости в теневом секторе по указанной выше классификации (единственной возможной при описанном наборе данных статистики), как оказалось, весьма значительно различается от региона к региону.

Структура теневой занятости по сравнению с другими регионами

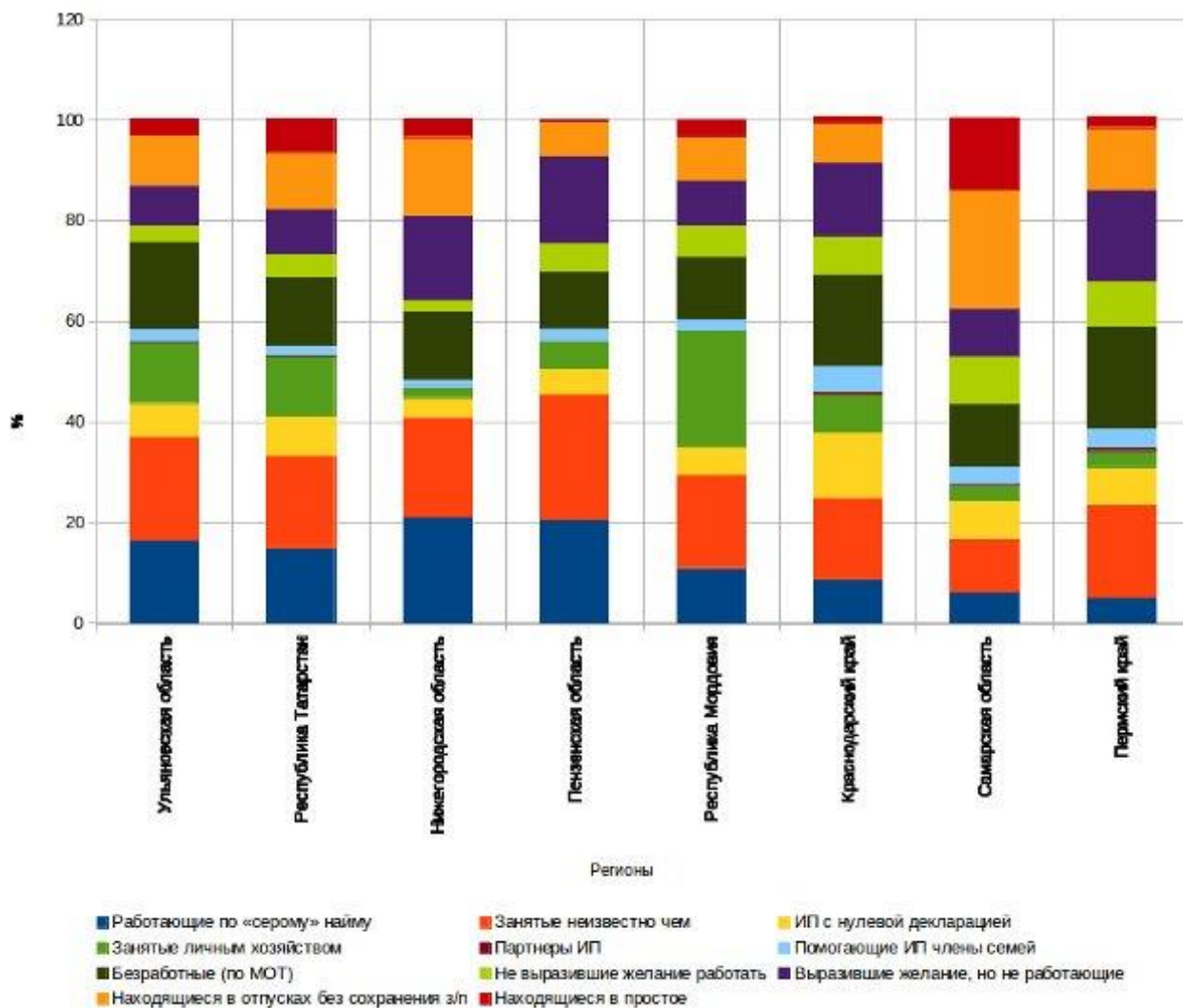

Рисунок 1. Структура занятости в теневом секторе (в % от трудоспособного населения)

Полученные результаты достаточно показательны. Например, из анализа структуры занятости понятно, что в Мордовии занятые в теневом секторе предпочитают записываться в ведущие личное хозяйство. Исходя из наблюдений, очевидно, что это объясняется распространенностью в республике отходничества и сельского образа жизни.

Нижегородская область лидирует по «серому» найму, чему тоже несложно найти объяснение — в регионе, столицей которого является столица ПФО, весьма развита сфера услуг, занятость в которой традиционно имеет большую долю теневой составляющей.

Простоями крупных предприятий объясняется и лидерство Самарской области по числу работников, находящихся в отпуске без

сохранения содержания. Подобная мимикрия традиционно устраивает обе стороны.

Что касается Ульяновской области, то структура занятости в теневом секторе в ней выглядит наиболее типичной для всех рассматриваемых регионов — по всем без исключения критериям классификации регион оказывается в середине списка.

Интересно, что несмотря на различия в структуре теневой занятости, аналогичная ситуация со структурой занятости трудоспособного населения наблюдается и в других обследуемых регионах, причем все это происходит на фоне роста теневой занятости.

Список литературы

1. Росолов П.Г. Основные подходы к определению доли теневого сектора в экономике/TERRA ECONOMICUS. Вып. № 3-3. Т. 9. 2011. С. 53-67.
2. Портес А., Неформальная экономика и ее парадоксы – М.: МВШСЭН, 2003. 504 с.
3. Киреев Н.В. Сравнительный анализ понятий ненаблюдаемой и неформальной экономики в современных статистических методиках/ Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. №1. 2014. С. 15-28.
4. Измерение ненаблюдаемой экономики: Руководство. М, 2003. 234 с.
5. Павлов А.Б., Селеев С.С., Феноменологическое описание современных промыслов/ Universum: общественные науки. №3 (13). 2015. С. 25-41.
6. «Вице-премьер: 38 млн. россиян заняты непонятно чем»/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://top.rbc.ru/economics/03/04/2013/852256.shtml>
7. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. N 326-ФЗ "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями)/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/12180688/>
8. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. N 354-ФЗ "О размере и порядке расчета тарифа страхового взноса на обязательное медицинское страхование неработающего населения" (с изменениями и дополнениями)/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/12192464/#help>